

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.В. Шунков

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
Кемеровский государственный университет*

«Страшный суд» как сюжетообразующий мотив литературы и культуры Древней Руси

Аннотация: Сюжет «страшный суд» является одним из распространенных в европейской литературе и культуре. Истоки сюжета представлены в Новом Завете, богослужебных церковных текстах. В русской литературе XI–XVII веков сюжет получает распространение и зафиксирован в целом комплексе книжных текстов. Отмечена особая роль сюжета в формировании одной из черт национального сознания русского человека, ориентированного на эсхатологическое восприятие истории. Статья посвящена рассмотрению эволюции сюжета «Страшный суд» в русской литературе.

The plot of «The Last Judgment» is one of the most widespread motifs in the European literature and culture. The origins of the plot have been presented in the New Testament and in the church liturgical texts. In the Russian literature of the 11th–17th was spread and recorded in a whole series of literary texts. Note is made of a special role of the plot in forming one of the features of the Russian people's national consciousness, centered on the eschatological perception of history. The paper discusses the evolution of «The Last Judgment» story in Russian literature.

Ключевые слова: евангельские мотивы в древнерусской литературе, сюжет, художественное своеобразие древнерусской литературы.

Evangelical motifs in ancient Russian literature, plot, artistic originality of Old Russian literature.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, кафедра русской литературы. E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru.

Сюжет «Страшный суд» («Судный день», «Апокалипсис») в европейской литературе (шире культуре) относится к числу «бродячих сюжетов» и является в силу своего генезиса основным для группы сюжетов апокалиптического (эсхатологического) характера. Данная разновидность сюжета присутствует как в древних фольклорно-мифологических миропредставлениях (дохристианская эпоха), так и в основных мировых религиях. Добавим, что на сегодняшний день сюжет «Страшный суд», равно как и его варианты («Апокалипсис», «Схождение во ад – исхождение из ада», «Труба архангела / труба смерти», «Сodom и Гоморра», «Видение Иезекииля», «Второе пришествие Христа») включены в «Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы», подготовленный научным коллективом сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск) [Словарь-указатель, 2003, с. 21, 33, 34, 66, 72, 74]. Однако примеры приводимых текстов в словаре-указателе – это в основном произведения литературы Нового времени.

Интерес к исследованию сюжета страшного суда возник еще в конце XIX – начале XX вв. и был представлен в первую очередь в работах Н.В. Покровского

[Покровский, 1887], Ф.И. Буслаева [Буслаев, 1997], в которых рассмотрена история формирования сюжета в иконографии Древней Руси. Оба исследователя в своих работах применили одинаковый подход в изучении проблемы: на основе сопоставительного анализа книжных текстов и настенных росписей были выявлены как сходства, так и различия в изображении Страшного суда¹ в литературе и иконографии. Специального же, отдельного исследования сюжета «Страшный суд» в истории русской литературы на сегодняшний день нам неизвестно. Этим фактом и обуславливается актуальность проблемы, перспективность и одновременно необходимость ее изучения.

Древняя Русь, приняв в конце X века христианство от Византии, унаследовала и «две генеральные эсхатологические темы: спасение души в “будущем веке” и осмысление человеческой истории, в том числе и своего Отечества, через призму Страшного суда» [Ужанков, 2009, с. 99]. На протяжении своего семисотлетнего периода развития древнерусская литература не переставала терять интерес к этой теме, представляя различные ее варианты. Эволюцию эсхатологической концепции, представленной в памятниках русской литературы XI – XVII вв., прекрасно показал проф. А.Н. Ужанков, автор теории литературных формаций и стадияльного развития древнерусской литературы. «Основная проблема, которая занимала умы православных людей, (в период XI – 80-е годы XV в. – прим. А.Ш.) – это спасение души после ожидаемого в 1492 г. Страшного суда. На протяжении (90-х годов XV в. до 40-х годов XVII в. – прим. А.Ш.) доминирует вторая эсхатологическая теория, ставшая религиозно-политической: “Москва – Третий Рим”. В течение периода (с 40-х годов XVII в. – по 30-е годы XVIII в. – прим. А.Ш.) формируется третья религиозная (эсхатологическая) концепция: “Москва – зримый образ Нового Иерусалима”» [Ужанков, 2009, с. 85]. Таким образом, история русской литературы (ее средневекового периода) рассматривается сквозь призму эсхатологического сознания древнерусского книжника, для которого характерно было осмысление и восприятие мировой истории как череды событий, подтверждающих Божественный промысел и доказывающих временность существующего земного мира, неумолимо движущегося к Судному дню.

И первое оригинальное произведение литературы Древней Руси, одновременно являющееся истоком всей русской литературы, – «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона – в религиозно-символической форме представляет и первый опыт осмысления темы Суда. Согласно историософской концепции Илариона, иудеи, получив Закон (Ветхий Завет), не дали ему возможность распространиться и привести язычников к спасению, уверовали в свою исключительность, за что и наказаны – лишены спасения в будущей жизни. Пришедшая в мир на смену Закону Благодать (Новый Завет) дарует каждому возможность спасения души, не ограничивая ни временем, ни пространством. И Страшный суд, которым закончится мировая история, станет главным мерилом истинности и праведности народов.

Эта же тема, как известно, найдет свое дальнейшее развитие и в первой русской летописи – «Повести временных лет», содержащей в себе «Речь Философа» (год 986) с описанием «завесы», представляющей сцены Страшного суда и адские муки грешников. «“Установит же Бог и день единый, в который будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам его: праведникам царство небесное и красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же страдания в огне, червь неусыпающий и муки без конца. Таковы же будут мучения тем, кто не верит Господу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится”. И, сказав это, <философ> показал <Владимиру> завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же

¹ См. об этом подробно: [Давидова].

вздыхнув, сказал: “Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева”. <Философ> же сказал: “Если хочешь с праведниками по правую сторону стать, то крестись”» [Повесть временных лет, 1997, с. 153].

Поэтому переводные (к примеру, апокриф «Хождение Богородицы по мукам») и особенно первые оригинальные памятники книжной культуры Древней Руси дают возможность убедиться в том, что в кратчайшее время по историческим меркам Русь приняла не только жанровую систему литературы, «трансплантированную» (термин академика Д.С. Лихачева [Лихачев, 1987, с. 37–45]) из Византии, но и особое христианское мироощущение, особенностью которого является понимание Рождества Христова как второй (после сотворения мира) значимой точки в истории человечества, начала новой эры человечества, которая закончится Страшным судом, после чего наступит «вневременная эра небесного бытия – вечность» [Ужанков, 2009, с. 135]. Таким образом, апокалиптическое восприятие времени – это особенность, изначально свойственная русской культуре и зафиксированная в первую очередь в памятниках литературы.

В связи с этим, необходимо напомнить источник сюжета, который так прочно будет освоен русской литературой (культурой). Картины Страшного суда детально представлены в Ветхозаветных пророчествах, в книгах Нового Завета: Евангелии от Матфея (Мф. 25: 31–36); Евангелии от Марка (Мк. 13: 1–37), где описаны события, предвещающие наступление Судного дня, ознаменованного явлением Христа, «грядущего на облаках с силою многою и славою»; Евангелии от Иоанна (Ин. 5: 22–27), где определяется роль Христа как судии («Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну»); Посланиях Коринфянам (2 Кор. 5:10, 1 Кор. 15: 51–52), к Римлянам (Рим. 14: 10), Откровении Иоанна Богослова, творениях святых отцов (Ефрем Сирийский «Слово на второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа»¹), апокрифах («Хождение Богородицы по мукам» [Хождение Богородицы по мукам, 1999]²), церковно-богослужебных текстах³, Прологах и др.

Однако среди перечисленных текстов только Евангелие от Матфея (Мф. 25: 31–45) имеет последовательное сюжетное изображение Судного дня, началом которого послужит второе пришествие в мир Христа вместе с ангелами. Евангельский источник определяет местоположение Христа в день Суда («тогда сядет на престоле славы Своей»), перед которым собираются все народы. Кульминацией евангельского сюжета о Страшном дне является описание самого Суда, в процессе которого Христос судит человечество, отделяя праведников от грешников («отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую»). Из Евангелия от Матфея становится известным описание преисподней – места вечного мучения грешников («идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его. ... И пойдут сии в муку вечную»).

Другие же источники сообщают дополнительные детали предстоящего Судного дня. Так, например, перед Христом предстанут иудеи и язычники, живые и мертвые, совершившие грех поступком, словом и помышлением. Общим моментом во всех источниках является неизвестность часа пришествия в мир Христа: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец Мой один» (Мф. 24: 33).

Альтернативный вариант евангельскому сюжету Страшного суда представлен в финальной книге Нового Завета – Откровении Иоанна Богослова (Апока-

¹ См. также: [Ефрем Сирийский].

² См. также: [Сахаров, 1879].

³ См. акафист о Страшном Суде Христовом, а также Чин погребения мирских человек. Рукописный источник см. в электронном каталоге библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: № 233 Требник неполный, полууст. четкий XVI века, в четверть, 318 листов Л. 129–148 [Свято-Троицкая Сергиева Лавра].

липсисе). Апокалиптический вариант сюжета объединяет все известные библейские эсхатологические мотивы: срывание семи печатей, приводящее к катастрофическим событиям, изображающимся в виде появления четырех аллегоричных всадников (болезнь, война, голод, смерть); сотрясением небесной и земной тверди. Провозглашение семью ангелами под звуки труб судьбы мира, наполненной сценами гибели, наступлением тьмы. Явление Богородицы («Жены, облаченной в солнце»), война на небесах архангела Михаила с красным драконом, приход в мир зверя, соотносимого с образом дьявола и имеющего числовую символику 666, упоминание о 144000 искупленных. Последние же главы Апокалипсиса провозглашают появление 4 ангелов, предвещающих будущее мира. Такова краткая схема построения сюжета финальной книги Нового Завета, имеющая, как известно, и свое воплощение в византийской и русской иконописных традициях.

Необходимо отметить, что в традиции изучения сюжета Страшного суда в древнерусской иконографии некоторыми искусствоведами евангельский и апокалиптический варианты иконописного сюжета рассматриваются как самостоятельные, не отождествляемые друг с другом. «Русская иконописная традиция уже с XV века, или даже раньше, различала изображения Апокалипсиса и Страшного суда. “Страшный суд” мог быть либо частью “Апокалипсиса”, как это видно, например, на иконе XV в. из Успенского собора Московского Кремля, либо существовать обособленно от него. ... Изображения Апокалипсиса ориентированы на Откровение Иоанна Богослова и толкования на него» [Давидова]. Отмеченную особенность возможно видеть в тех случаях, когда иконописный сюжет Страшного суда сопровождается текстовым комментарием, размещаемым на полях иконы и взятым из акафиста о Страшном суде (Судном дне). В этом случае мы наблюдаем особенность, характерную для древнерусского искусства – синкретизм, проявляющийся в использовании общих приемов в изображении события Священной истории Словом, воплощаемом не только в его звуковом образе, но и визуальном.

Здесь уместно напомнить, что для древнерусской культуры было свойственно использование общих приемов изображения события, героя как в книжном тексте, так и на иконе. Об этом факте в свое время очень подробно было описано в исследованиях князя Е.Н. Трубецкого [Трубецкой, 1991], академика Д.С. Лихачева [Лихачев, 1987], В.В. Лепахина [Лепахин, 2002] и др. «Сюжеты изобразительного искусства были по преимуществу литературными. ... Трудно установить во всех случаях первооснову: слово ли предшествует изображению или изображение слову. Во всяком случае, и последнее нередко» [Лихачев, 1987, с. 280, 282]. «В содержании и композиции иконы всегда лежит слово, т.е. какой-либо священный текст, который составляет неизменную основу сюжета любой иконы» [Лепахин, 2005].

Отмеченную особенность возможно как раз увидеть и в воспроизведении сюжета «Страшный суд» в русской иконографии. Причем иконописный канон, как нам кажется, даже детальнее воспроизводит основные его эпизоды, чем книжные тексты, создававшиеся в период XI – XVII вв. и в ряде случаев подвергавшие интерпретации евангельский источник. Иконописный вариант аккумулирует в себе все известные варианты сюжета, детализируя его эпизоды, представленные в текстах Нового Завета. Иконописный вариант сюжета, изображаемый на иконе в ковчеге, обрамляется текстовыми полями, содержащими в себе фрагменты Евангелия и Откровения Иоанна Богослова. «Искусство живописи как бы тяготилось своей молчаливостью, стремилось “заговорить”. И оно “говорило”, но говорило особым языком. Те тексты, которыми сопровождаются клейма в житийных иконах, – это не тексты, механически взятые из тех или иных житий, а особым образом препарированные, обработанные. Житийные выдержки на иконе должны были восприниматься зрителями в иных условиях, чем читателями рукописей» [Лихачев, 1987, с. 284]. Таким образом, иконописный вариант сюжета «Страшного суда» получается более целостным в своей композиции и зрелищным

с позиции визуального изображения и восприятия мира горнего и дольного, картин адских мучений грешников.

История древнерусской литературы также зафиксировала сюжет Страшного суда и в другой особой форме – обрядово-церемониальном действе, совершавшемся в воскресенье перед Масленицей (Мясопустную неделю). Подробное описание «Действа Страшного суда» сохранилось в «Чиновниках Успенского Собора» [Чтения в имп. обществе..., 1861]. Из исторических источников [Забелин, 1862, с. 317–318] известно, что популярность этот обряд на Руси обрел в XVII веке, в эпоху царствования Алексея Михайловича, который был постоянным участником проводимого чина. В «Дневальных записках приказа Тайных дел», фиксировавших ежедневные события из жизни царя, читаем: «Въ 26 день (26 февраля 1660 г. – прим. А.Ш.) в недѣлю мясопустную великии государь слушал заутрени и божественныя литоргии в церкви преп. муч. Евдокѣи, что у него государя на сѣнях. А после божественныя литоргии великии великии государь ходил к дѣйству Страшнаго суда, а дѣйство было позади олтарей соборныя и апостольскыя церкви на площади прежних годов» [Белокуров, 1908, с. 61, 170, 208, 272]. После смерти монарха совершение чина постепенно становилось все реже и реже, и последний раз действо Страшного суда было совершено в 1697 году при патриархе Адриане.

На протяжении всей истории действо Страшного суда носило сугубо богослужебный характер, совершавшееся патриархом на площади за алтарем Успенского собора перед иконою Страшного суда. Помимо пения стихир, чтения на четыре стороны света Евангелия, освящения воды обязательным составляющим действия был заключительный акт – патриарх губкой смоченной в освященной воде отирал икону и кропил святою водою всех присутствовавших на совершении одноименного действия. Известно также, что до начала самого действия царь, как правило, посещал тюрьмы, приказы и раздавал милостыню, смягчал наказание или освобождал преступников. По завершению действия устраивались обеды для нищих, сирот, обездоленных, больных. В приведенном примере помимо прямого обращения к каноническим текстам, содержащим описание Страшного суда, нельзя не заметить присутствие символического подтекста в действиях Алексея Михайловича. В совершении царем определенных поступков как до начала действия, так и после его окончания видится желание православного монарха воплотить в реальности основные эпизоды известного всем сюжета – совершить праведный суд над своими подданными, одарить милостыней обездоленных или смягчить наказание преступникам. В этом жесте царя нельзя не увидеть действия, которые на первый взгляд никак не связаны с основным ходом предстоящего публичного совершения чина, но тем не менее являющиеся своего рода подготовительными для него. В поступке царя отчетливо прочитывается аналогия с поведением героев новозаветной истории, известном по апокрифам (Хождение Богородицы по мукам) или самому Евангелию – это явление Спасителя.

Применительно же к литературному процессу последней трети XVII в. – начала XVIII в. Страшный суд, оставаясь одной из основных тем на всем протяжении литературы Древней Руси, тем не менее, представлен только мотивом, отсылающим читателя к евангельскому первоисточнику. И по мере развития литературы данный мотив все активнее приобретал художественные функции притчевого иносказания. Как примером подобной трансформации может служить известная притча о трубе смерти, входившая в состав «Римских деяний» [Ромодановская, 2009] – сборник повестей беллетристического характера, переведенных с польского языка на русский в последней трети XVII века.

О популярности этой притчи свидетельствует ее постоянное присутствие в составе указанного сборника, существовавшего в известных его редакциях, ис-

следованных Е.К. Ромодановской, а также в редакции «Великого зеркала», переводного сборника повестей 70-х годов XVII века. В отличие от книжных текстов более ранних периодов развития литературы мотив страшного суда уже играет совершенно иную роль – придает тексту беллетристическое, занимательное начало, а соответственно становится заметен и отказ от привычного для средневековой книжности религиозного дидактизма и символизма. Читателю становится интересно следить за развитием событий, в основе которых находятся «мотивы двух притч Варлаама – о трубе смерти и инороге» [Ромодановская, 2009, с. 169]. И в отличие от других притч, входящих в «Римские деяния» и ориентированные на канонические источники эсхатологического сюжета, упоминаемая притча изначально восходит к переводной беллетристической повести о Варлааме и Иосафе [Повесть о Варлааме и Иосафе, 1999, с. 360–388], благодаря чему в притче XVII века исключена нравоучительная составляющая мотива.

В продолжение темы можно назвать еще один возможный вариант известного мотива, зафиксированный в памятниках древнерусской литературы, – это перенос внимания на индивидуальный, личностный план поведения отдельно взятого человека в ситуации ответа за свои поступки на Страшном суде. Именно такое прочтение сюжет получит в литературе XVII века и будет представлен в особом повествовательном жанре – «повести о преставлении» [Кротов, 1989, с. 149]. Примером может служить известное послание царя Алексея Михайловича («Статейный список», 1652 г.) [Шунков, 2006, с. 45–61], детально изображающее смерть патриарха Иосифа, его последние предсмертные муки, воспринимаемые царем как символы и знаки Суда¹, вершащегося над душой умирающего. Позже поэты-силлабики (Симеон Полоцкий, Карион Истомина, Ян-Андрей Белобокский, князь Борис Репнин-Оболенский [Казание о человеческой жизни двоестрочно, велми душеполезно, 1989, с. 114–116]) активно будут разрабатывать этот мотив и в барочной поэзии XVII века².

В итоге, одна из основных средневековых идеологических концепций, какой являлась концепция Страшного суда, приобретет уже в литературе Переходного периода (2 половина XVII в. – 30-е годы XVIII в.), а затем и Нового времени сугубо художественную функцию аллюзии, реминисценции. При этом будут смещены в художественной интерпретации смысловые акценты: сюжет Страшного суда в первую очередь станет прочитываться как катастрофа мира, представленной в фантастических образах и картинах. Главная же символическая составляющая сюжета – предвестие наступления эры Нового Иерусалима – будет отодвинута на вторые позиции.

¹ Кирилл Туровский, Притча о человеческой душе и теле: «Слышать же подобает Боже имя теперь расстающимся с телами душами, чтоб в Судный день, воскреснув в теле, не греховно поклониться Богу. <...> Когда же человек преступил заповедь Божию и за это осужден на смерть, то сначала душа его к Богу приводится и оправдывается: «Не я, но плоть согрешила». Поэтому и нет мучения душам до второго пришествия, но они сохраняются, – Бог знает где. <...> Чем же кто согрешит, тем же муку примет» [Слова и поучения Кирилла Туровского, 1997, с. 155, 159].

² См. также: [Повесть и сказание о прении живота со смертию, 1969, с. 464–466, 757–758]. Подготовка текста «Повести...» и прим. Р.П. Дмитриевой. А также «Устав» Нила Сорского, где отдельная глава (7) посвящена «памяти смертной и страшному Суду». В ней Нил Сорский говорит, что «невозможно есть алчущему не поминати хлеба; тако же и хотящему спастися не поминати смерти». «Для достижения особенного молитвенного состояния старец рекомендовал помнить о том, что человеческая жизнь коротка: “Путь сей краток есть; дым есть – житие сия, пара и перст, пепел; в мале является и вскоре погибает”, и иноку необходимо “сбирь” “ум в та, яже рекоша святии в писаниих о различных страшных смертех... Полезне же мною и сие, еже въспоминати нам различныя смерти веденныя и слышанныя, яже и в днех наших бывше”» [Чумакова, 2000, с. 47–48].

Литература

- Белокуров С.А. Дневальные записки приказа Тайных дел. М., 1908.
- Буслаев Ф.И. О русской иконе. Общие понятия о русской иконописи. М., 1997.
- Давидова М.Г. Иконы «Страшного суда» XVI–XVII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/art/35909.php>. Дата обращения: 20.02.2013.
- Ефрем Сирин. Слово на Честный и животворящий крест и на второе пришествие, а также о любви и милостыне. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/book/854>. Дата обращения: 20.02.2013.
- Ефрем Сирин. Слово о всеобщем воскресении, о покаянии и любви, о втором пришествии Господа нашего, Иисуса Христа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/858>. Дата обращения: 20.02.2013.
- Ефрем Сирин. Слово о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/849>. Дата обращения: 20.02.2013.
- Забелин И.Е. Быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1862.
- Казание о человеческой жизни двоестрочно, велми душеполезно // Вишневая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М., 1989.
- Кротов М.Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа. (Этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы XVI– начала XVIII веков. М., 1989.
- Лепяхин В.В. Икона и иконичность. СПб, 2002 (2-е перераб. и доп. изд.).
- Лепяхин В.В. Икона и слово: виды, уровни и формы взаимосвязи // Дикое поле. 2005. № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=303. Дата обращения: 20.02.2013.
- Лихачев Д.С. Древнерусская литература в ее отношениях к изобразительным искусствам // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1.
- Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили // Лихачев Д.С. Избранные работы в 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 37–45.
- Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 1: XI – XII века.
- Повесть и сказание о прении живота со смертию и о храбрости его и о смерти его (памятник переводной литературы XV – XVI вв.) // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. (Сер.: «Библиотека всемирной литературы»).
- Повесть о Варлааме и Иосафе // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1999. Т. 2: XI – XII века.
- Покровский Н.В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. Одесса, 1887.
- Ромодановская Е.К. Римские деяния. Вопросы текстологии и русификации: Исследование и издание текстов. М., 2009.
- Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.
- Свято-Троицкая Сергиева Лавра: № 233 Требник неполный, полууст. четкий XVI века, в четверть, 318 листов Л. 129–148. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.stsl.ru, <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=233&pagefile=233-0135>. Дата обращения: 20.02.2013.

Слова и поучения Кирилла Туровского / Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век.

Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Ред.: М.А. Бологова, Е.К. Никанорова, Е.Н. Проскурина. Новосибирск, 2003. Вып. 1.

Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе: Умозрение в красках. Два мира в древнерусской иконописи. Россия в ее иконе. М., 1991.

Ужанков А.Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века. Стадии и формации. М., 2009.

Хождение Богородицы по мукам // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1999. Т. 3: XI – XII века. С. 306–322.

Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1861. Кн. 1.

Чумакова Т.В. Проблема человека в «Уставе» Нила Сорского // Христианская культура на пороге третьего тысячелетия. Материалы научной конференции. 12 – 14 июня 2000 г. СПб., 2000. С. 44–48.

Шунков А.В. Жанр послания в русской литературе XVII века (на примере эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). Кемерово, 2006.